Москва
Театр на Юго-Западе.

ОБОЗРЕНИЕ

Театр времени утраченных надежд

В истории советского театра удивительное место заняли два — это «Современник» в конце 50-х годов и «Театр-студия на Юго-Западе» в конце 70-х—начале 80-х. Они как-то с особой искренностью сконцентрировали в себе настроение и думы общества.

Спектакли «Современника», театра-символа времен так называемой «оттепели», были полны радости, озорства и всегда надежды на лучшее будущее, даже в драме. А сколько искреннего веселья доставлял зрителям «Голый король» с Евгением Евстигнеевым. А такие сценки спектакля, как, к примеру, объяснение в любви Короля Принцессе, прочитанное им по заранее заготовленному тексту, казались верхом политической смелости и откровения. И то, насколько надежды были наивны, мы поняли лет десять—пятнадцать спустя, скорее всего тогда и зародилась подсознательная потребность в ином театре, и такой театр появился... Его создатели — режиссер Валерий Белякович и его коллектив — за неимением лучшего рискнули устроить свою студию в подвале жилого дома на проспекте Вернадского, в подвале, принадлежащем ранее овощному магазину. Все перебороздовали своими руками. Откуда им было знать тогда, что пройдет лет десять и появятся театральные студии, готовые играть свои спектакли где придется. Но это было уже в другую эпоху, Тогда же, в 70-х, это был вызов и официальному театру, и официальной культуре. Вспомните, тогда у нас театры были сплошь учреждениями государственной важности и наблюдения и встречали нас просторными фойе, уютными залами с рядами удобных кресел, ковровыми дорожками, люстрами, буфетами, кафе-динерами... Все обещало праздник и рождало настроение известной песенки: «Все хорошо, прекрасная маркиза...».

А театр-студия, возникший на Юго-Западе? Даже выбранное им место было уже символичным! Та, кто попадал туда впервые, испытывали нечто вроде легкого шока. Коридор-фойе, он же и гардероб, в в зрительном зале амфитеатром расположены семь скамеек, на которых немногим более ста мест. Перед скамейками совсем небольшое пространство и спектакли на нем идут почти без декораций. Стены черные от того, что обработаны бурлитом, его еще называют варом. Эта теснота, подвальность, недостаточность освещения и чернота стен лишают душевного комфорта, от этого не отделаешься, становится не по себе...

Первые спектакли были довольно безобидны, это русские водевили «Уроки дочкам» И. Крылова и В. Соллогуба, «Жениться» и «Ревизор» Н. Гоголя, «Старые грехи» А. Чехова и драмы «Жаворонок» Ж. Ануйя и «Старый дом» А. Казанцева... И кто бы подумал, что через несколько лет на этой невзрачной маленькой сцене будут идти «Гамлет» Шекспира, «Носороги» Э. Ионеску, «Дракон» Е. Шварца, «Калигула» А. Камю, «Трилогии» А. Сухово-Кобылина...

Первый прогон «Калигулы» по пьесе Альбера Камю состоялся в «Театре на Юго-Западе» в июле 1989 года. Пьеса Камю скорее философская — поиски сложных мотивировок превращения заменившего римского императора в деспота, в чудовище, разрушительное воздействие страха на личности - столь разных патрициев в его окружении. А в спектакле Белякович? Какая философия? Какие размышления, поиски и идеи на тему, когда страх становится самой жизнью? На подуленной сцене люди в белесающихся то ли кожей, то ли синтетической одежках... Патриции? А может, приближенные Гитлера? Или большевистские комиссары? Пришельцы из космоса? Но они прежде всего люди, люди и страх, люди и разгул страха, которому уже невозможно противостоять. И как противостоять? Ах, да! В теории известно — мужество, сила духа, благородство, самоотверженность! Но мы-то уже знаем, Бывает такая власть, такие условия ее, что эти качества уже не остановят насилие, эти качества ведут лишь к самопожертвованию, к смерти... А людям хочется жить и хочется выжить любой ценой и любыми средствами... Что же это за средства? Послушание насилию, угодничество, предательство, трусость, подлость, когда можно перешагнуть даже через мученическую смерть отца... Но дело-то в том, что таким образом выживая, люди перестают быть людьми. Не может состоять человек только из отрицательных качеств и оставаться человеком, он уже отрицает сам себя, люди становятся частью этого страха и частью этой тьмы. В конце спектакля Калигула кончится по темной сцене с мерцающими красными огоньками во лбу — он то ли олицетворение Космического Зла, то ли сам Дьявол, но, может, это одно и то же? И похоже, что и сам он уже боится себя... Но наступил момент, и в вдруг просто устала от этого сплошного страха и ужаса и поняла, что также от него можно устать и в жизни — тогда все становится все равно, жизнь теряет свою ценность, свою привлекательность... Вот такая сила власти, опирающейся на страх и ведущей к власти страха...

И тут, казалось бы, повод говорить о позиции театра, его мировоззрении и духовных поисках... Однако после этого спектакля мне все больше стало казаться, что «Театр на Юго-Западе» это та ниша, ниша духовная, социальная, нравственная и интеллектуальная, где отразилось все пережитое нашим обществом, весь его страшный, горький опыт этих 76 лет. Это наше мировоззрение, наши мысли и чувства, завешенные на дно души и до сих пор не дающие нам возможности наконец-то почувствовать себя людьми истинно свободными, независимыми внутренне, смелыми и счастливыми...

«Театр на Юго-Западе» говорит нам эту правду без иллюзий... Об этом и последняя премьера — «Мастер и Маргарита» — сценическая композиция по роману М. Булгакова... Спектакль идет как бы в двух несовместимых измерениях — Дворец Понтия Пилата и Москва 30-х годов. И не вообразить заранее, каким выходит римский прокуратор на сцену: белая тога, украшенная складками алого шелка, и при этом такое достоинство и величие души, что маленькая сцена начинает казаться и вправду дворцом. Вот такие жили люди и те времена, люди, что общались с Богом, но они так переродились себя, что стали решать вопросы жизни и смерти, вопросы, что принадлежат только Богу, и так увлеклись, что убили и Бога-Иешуа. И тогда, похоже, все на Земле покатилось в тартары. И вот эти тартары — Москва 30-х годов. Все, происходящее в ней, кажется малой бесовщиной, и люди — мелкими бесами. Все суета, бессмыслица, глупость и надругательство. Какой был Мастер раньше — по спектаклю трудно представить, мы видим его уже человеком, сломленным в этой жизни, и этими людьми, он сам повторяет это упавшим голосом... Воланд его просто подбирает. И Маргарита в спектакле кажется довольно заурядной домохозяйкой в поношенном пальто от Массиаш. Герои рассказывают о своей встрече, о свиданиях в особняке в Арбатском переулке, но в то, что это было исполнено и высокой любви, и высокой поэзии, не верится. Самые значительные и яркие фигуры спектакля— это начиться, это Воланд, Фагот, Азазелло, Кот Бегемот, Гелла... Суета, крики, вопли и вечеринка «у Грибоедова» — все переходит в бал-шабаш у Воланда уже с участием откровенных бесов, сверкающих голыми задницами... Спектакль идет 5 часов, и нет никого, кто остался бы человеком и вселил надежду...

Все три пьесы Сухово-Кобылина — «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина» сведены в один спектакль — «Трилогия». И самая впечатляющая его часть — «Дело». Прежде и сама пьеса известного автора и спектакли по ней, при всей убедительности происходящего, оставляли все же надежду, что это какое преувеличение, нелепый гротеск. Не может же быть, чтобы взяточничество и произвол чиновников достигли у нас в России такой чудовищной силы? Однако наступило время, наше время, и события спектакля воспринимаются просто реалиями нашей жизни и более того, мы то знаем, бывает и хуже. Очень содержательна находка — на лицах чиновников, в том числе и Варравина, дерзкие жуткие маски, это как нашествие неких «саламандр», и «саламандры» в спектакле побеждают.

Я под настроение начала с самых трагических спектаклей, но не следует думать, что и весь репертуар так беспросветен и безысходен. В репертуаре театра есть и комедии, в том числе «Трактирщица» К. Гольдони, «Ревизор» и «Женитьба» Н. Гоголя. Я посмотрела «Укрощение строптивой» Шекспира: спектакль сыгран озорно, лихо, поставлен в этакой уличной, площадной манере. Здесь явно именитые дворяне играют простолюдинов, и каждый персонаж комедии остроумно, изобретательно смешон, и веселят многие находки. К примеру, и такое современное обращение в зал: «Где Петруччо? Петруччо где? На понял...». Однако есть в репертуаре и спектакли, с моей точки зрения, менее удачные, но зато есть, с той же точки зрения, и просто замечательные. Какое удовольствие посмотреть «Три цилиндра» по пьесе Мигеля Миура. И это прежде всего восхитительная режиссура Валерия Беляковича. Я впервые увидела в театре такую феллиниевскую манеру. Столько изящества, такая кружевная вязь из чувств, движений, слов, интонаций, где ничто не делится на главное и второстепенное, но важно каждое слово и каждый жест, и вместе с тем ничто не навязывается, все легко, естественно, как дыхание. Такую режиссуру называют еще и прозрачной, она, как краски акварели... И еще в спектакле много музыки, прекрасной музыки в прекрасных записях, что постоянно звучит и держит в сладком плену, исполнение которой мимируется «музыкантами» на сцене. События-то происходят в маленьком варьете, в маленьком городке... И постепенно весь уходишь в эту жизнь, и так грустает душу печальная лав стори, сыгранная предельно искренне и поэтично.

И совершенно особое — спектакль «Штрихи к портрету» по рассказам Василия Шукшина «Космос», «Шмат сала и нервная система», «Срезал», «Миль пардон, мадам» и другим. Спектакль до краев наполнен любовью к писателю и болью за него. Только такая любовь и дает актерам и режиссеру то понимание, то проникновение и в суть», и в детали, и в тончайшие смысловые интонации шукшинской прозы. Отсюда «инсценировка» или «сценическая композиция» не упоминаются в программке, они здесь неуместны, это иное. Герои и события рассказов Шукшина словно на наших глазах сходят со страниц и оживают, и создают фантастическое впечатление живого присутствия Василия Макаровича. В спектакле есть такие потрясающие моменты, что кажется и сам писатель не смог бы сделать лучше...

Актеры «Театра на Юго-Западе» это известные имена, и этот так не похожий на другие театр и актеров собрал непривычных и необычных индивидуальностей. С кем можно сравнить премьера театра Виктора Аввакова? Разве что с Жан-Полем Бельмондо... Его неординарная для театра внешность сочается с обаянием и человеческим содержанием, нестандартностью внутреннего мира, тем интересом прежде всего к себе, что вызывает он в каждой роли. И даже перечисление этих ролей говорит само за себя — Гамлет, Калигула, Воланд, Варравин, Ланцелот... И то, какими они запомнятся в исполнении Авакова, исполнении своеобразном, никого не напоминающем, позволит им занять и особое место в духовном мире каждого. Разве что с Гамлетом его Бронька Пупков из «Миль пардон, мадам» Шукшина, где на таком маленьком материале рассказа он вслед за Шукшиным предсказал нам безбрежную пропасть отчаяния несостоявшейся человеческой жизни? А рядом с ним Вячеслав Гришевичин — актер такой интуитивной выразительности мимики и жеста, что впечатление — он из итальянских актеров. Но при этом глубина и сила чувств и зарывательность переживаний. Мне во многом не понравился спектакль «Ромео и Джульетта», но то, каким там был Меркуцио — Гришевичин, незабываемо. Он же интереснейший Фагот, и Бурсомистр, и Грумио, и вообще... открывая программку очередного спектакля театра, я обязательно посмотрю — есть ли там фамилия Гришевичина...

И такой загадочный актер Владимир Копралов, он как-то всегда настороженно... Из, слушая его реплики, порой стараешься угадать — а то ли он думает, что говорит, что там у него на втором, третьем плане... Копралов — идеальный Кот Бегемот и Кот «Дракона», но также хороши и его Бен Росарио, и его Гортензио...

Ошутима профессиональная надежность убедительной и привлекательного в каждой из своих столь разных ролей Сергея Беляковича. И Валерий Афанасьев, на которого может рассчитывать режиссер и который так изобразил Понтия Пилата, что мне и сейчас представляется — я видела его во дворце...

Интересны, искренни, увлечены театром и молодые актеры— Олег Зафорин, Анатолий Иванов, Олег Леушин...

Ирина Бочоришвили органична, обаятельна в каждой роли и, кажется, может сыграть все, что как с устрицы и делает... Я упомянула Ирину Бочоришвили и задумалась о женской половине труппы. Я бы очень хотела ошибиться, но мне эта половина показалась не так интересна, как мужская... Впрочем, может, пишущий о театре мужчина доказывает обратное...

Уже ясно, как много нравится мне в этом театре, в режиссуре Валерия Беляковича, однако есть и то, что нравится не очень... Уж слишком он увлекается темнотой, уж слишком громко говорят актеры, всего-то семь рядов, а они кричат, — сплошно обеспокоены, слышат ли их на дальних галерках... Конечно, в этом определенный режиссерский ход — это тоже дискомфортно действует на психику, именно дискомфортно, потрясти зрителя можно и шепотом. А излишки шумовых эффектов, например грохот железа в том же «Калигуле», — уже не сила впечатления, это — дань времени «завышенных децибел». Просчеты режиссуры и когда удачно найденные приемы, находки не только подчеркиваются в некоторых спектаклях, но начинают повторяться и повторяться, что уже действует скорее раздражающе. И еще о таком важном качестве у художника, как чувство меры. Похоже, что Белякович в своем увлечении работой иногда забывает, что то, что так интересно ему в работе, не всегда в такой же степени увлекательно для зрителей. Бывает, что он стремится сказать всё, хотя гораздо важнее в сценическом искусстве найти яркий многогранный образ, сложный подтекст, момент истины, ассоциацию... Очень утомительно шесть часов смотреть «Трилогию» или пять часов «Мастера и Маргариту»... Это уж для самых ярых поклонников... Однако справедливо будет напомнить о том свойстве театральных помещений, о котором я говорила вначале: этот подвал, эти черные стены, эта теснота... Мы ведь тоже постоянно определяют режиссера. И многие согласятся со мной, что, Белякович и его коллектив наконец-то заслужили у города настоящее театральное здание. Вспомните, сколько в Москве клубов и дворцов, что раньше принадлежали культуре... Почти за 17 лет своей деятельности «Театр на Юго-Западе» добился успеха и популярности, и хватит ему быть не только подвальным, но и подпольным театром, это в смысле что из-за крошечного зрительного зала так мало желающих могут посмотреть его спектакли, каждый вечер энтузиасты стоят у стен и сидят на ступенях. Наступило иное время в жизни человеческого Духа, и надо дать возможность этому замечательному коллективу показать себя в полную силу и показать всем.

Галина МАРЧЕНКО.

На снимках: Калигула — В. Авилов; Гелла — И. Бочоришвили, Бенгальский — В. Борисов, Кот — В. Копралов («Мастер и Маргарита»); О. Зафорин («Штрихи к портрету»), Корнелия — В. Гришевичин («Мастер и Маргарита»).

Фото В. ГОРЯЧЕВА.